

Е. Д. Твердюкова

«В Вас только одном нашел я поддержку в осуществлении Высочайшей идеи»: переписка организатора первого народного класса строя и гимнастики А. А. Луцкевича с военным министром В. А. Сухомлиновым

Твердюкова

Елена Дмитриевна

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
подготовлено
при финансовой
поддержке Фонда
русской цивилизации
«Светославь»,
проект КГРИ
№ 3/2023 «Воспитание
гражданственности
у детей и юношества
в России начала XX в.:
теория и практика
государственной
политики»

Исторический опыт становления и развития молодежных патриотических организаций имеет важное значение для современной России. В новейшей историографии неоднократно рассматривались попытки формирования детско-юношеского движения патриотического толка. В ряду сюжетов, традиционно привлекающих внимание историков, находится организация так называемых потешных отрядов, создававшихся в Российской империи во исполнение повеления Николая II, отданного им военному министру А. Ф. Редигеру 8 января 1908 г. («Завести в деревнях обучение детей в школах строя и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату»¹). Впрочем, за исключением региональных исследований, в которых детализируются различные аспекты обучения школьников военному делу², в имеющихся публикациях обычно повторяются общеизвестные сведения и стереотипные суждения о важности этого явления в контексте патриотического воспитания и допризывной подготовки российской молодежи³. Как правило, положительная оценка дается и деятельности А. А. Луцкевича, с именем которого в историографии связывается начало организации «потешных»⁴. Между тем архивные документы позволяют уточнить имеющиеся представления о личности начальника первого народного класса военного строя и гимнастики.

Антиох Андреевич Луцкевич родился в 1848 г. в семье священника. Отучившись четыре года в духовной семинарии, 2 апреля 1875 г. он поступил на службу учителем приготовительного класса Черкасского городского

двухклассного училища, откуда 26 мая 1879 г. его уволили без прошения. Получив разрешение вернуться на службу по ведомству народного просвещения, 16 декабря 1881 г. он был зачислен в Канцелярию попечителя Киевского учебного округа (сначала — канцелярским служителем, а позднее — столоначальником). 1 апреля 1902 г. Луцкевич получил место инспектора народных училищ Полтавской губернии, а 1 марта 1906 г. — аналогичную должность по Одесскому градоначальству. Будучи человеком «в высшей степени твердых правых убеждений», он не мог не вести активную борьбу с различными революционными проявлениями в школе: забастовками, сборами на вооружение противоправительственных организаций, поддержкой уволенных по политической неблагонадежности педагогов. Весьма скоро он пришел к выводу, что персонал большинства народных училищ, подготовленный в учительских семинариях, содержащихся на средства местного самоуправления, не соответствует требованиям здоровой государственности и правильно понимаемого патриотизма. Он не только огульно обвинял учителей в принадлежности к революционному движению, но и упрекал их в том, что они идут в школу не по призванию, а лишь в целях уклонения от воинской повинности⁵.

Уже через год, ввиду крайне обострившихся отношений Луцкевича с городским управлением, которое отличалось настроениями левого толка, служба в Одессе оказалась невозможной. Имея намерение назначить его директором Новобугской учительской семинарии, попечитель Одесского учебного округа А. И. Щербаков направил соответствующий запрос в Министерство народного просвещения, однако согласия не получил по причине отсутствия у кандидата высшего образования, необходимого для занятия этой должности. В итоге, помимо своего желания, Луцкевич был перемещен на открывшуюся в то время вакансию инспектора народных училищ Бахмутского уезда Екатеринославской губернии⁶.

На новом месте он убедился в «распущенности» современной молодежи, что выражалось в грабежах, убийствах, поджогах и царящем над всем этим беспробудном пьянстве. По его наблюдениям, подростки и дети большую часть времени пребывали вне влияния школы, а в ее стенах, находясь без присмотра, затевали «игры, грубые, развращающие детскую натуру»: «дерутся на кулачки или мучают пойманную птичку или домашнее животное, причем сквернословят немилосердно»⁷. Такое поведение, как утверждал инспектор, и навело его на мысль занять учеников строевыми упражнениями.

Несколькими годами позже, выступая 25 февраля 1911 г. в Русском собрании с докладом на тему «Обучение в школах военному строю и гимнастике на патриотических началах как весьма важная воспитательная мера», Луцкевич заявил, что впервые «правильная военная игра» была применена им еще в 1875 г. в Черкассах⁸. Так или иначе, но организация первого народного класса военного строя и гимнастики, получившего широкую известность и ставшего примером для отрядов «потешных» по всей стране, началась не ранее 1908 г.

На основании полученного от императора указания начать при помощи запасных и унтер-офицеров обучение сельских детей, Редигер 10 января 1908 г. сообщил о высочайшей воле только что назначенному (1 января) министру

народного просвещения А. Н. Шварцу, который циркуляром по министерству от 3 марта 1908 г. предписал попечителям учебных округов представить информацию о возможных мероприятиях. Очевидно, именно на этом этапе, когда попечители, в свою очередь, запрашивали соответствующие сведения от подчиненных, А. А. Луцкевич и узнал о высочайшей воле и решил претворить ее в жизнь. По сообщенным им позднее в Главное управление Генштаба сведениям, занятия проводились при трех народных школах в г. Бахмут и при шестнадцати земских школах в уезде. В расходах на обучение военному строю и гимнастике ни городское, ни мещанское общества участия не принимали: земские школы содержались на средства местного самоуправления и крестьянских обществ, а Бахмутское начальное училище при инспекции — на личные средства Луцкевича и деньги, вносимые учениками в качестве платы. К работе с детьми инспектор привлек двух запасных унтер-офицеров, выдавая им небольшое (по 5 руб. в месяц) вознаграждение. Оплачивал он и уроки капельмейстера (15 руб. в месяц), а также приобрел деревянные ружья со штыками из жести (по 70 коп. на каждое), инструменты для духового оркестра (потратив около 500 руб.). Каждый играющий в школьном оркестре мальчик получал от него ежемесячно по 50 коп. и сладости. Простейший подсчет показывает, что в течение года инспектор истратил на содержание класса более половины своего годового содержания (составлявшего 2 тыс. руб.). Зато дети, по его словам, весьма охотно относились к обучению, особенно их привлекали ружья, музыка и пение веселых военных песен⁹.

28 апреля 1909 г., спустя несколько дней после успешного выступления своих учеников на городской площади в день тезоименитства императрицы Александры Федоровны, Луцкевич обратился с письмом к В. А. Сухомлинову, в котором просил донести до императора информацию о классе: «Я и моя маленькая школьная армия, воспитываемая в любви к Богу, Царю и Отечеству, были бы беспредельно осчастливлены, если бы наши искренние верноподданнические чувства беззаветной преданности и любви к обожаемому монарху... достигли при посредстве Вашего Высокопревосходительства до подножия царского трона»¹⁰. С большой вероятностью можно предположить, что Сухомлинов, незадолго до того (11 марта 1909 г.) сменивший Редигера на посту военного министра, расценил это обращение как прекрасный шанс «выслужиться», преподнеся факт преподавания строя и гимнастики в Бахмуте как подтверждение исполнения высочайшей воли. Этим можно объяснить то, что он не только представил императору доклад Луцкевича и высланные им 29 апреля фотографии отряда, но и предписал начальнику Главного штаба распорядиться о напечатании составленного инспектором очерка организации «потешных» вместе с резолюцией Николая II («Искренно благодарю Луцкевича за отличный почин и что понял и привел в исполнение мою мысль») в газете Военного министерства «Русский инвалид». Заодно 8 мая 1909 г. он уведомил и Шварца о милостивом монаршем внимании к деятельности инспектора, переслав ему «для сведения» копию доклада Луцкевича вместе с фотоснимками¹¹.

А. Н. Шварц был весьма уязвлен тем, что служащий по его ведомству коллежский советник позволил себе войти в сношения с высокопоставленными

военными чиновниками, минуя непосредственное начальство (директора народных училищ Екатеринославской губернии и попечителя Одесского учебного округа) и его самого. Совершенно естественной реакцией со стороны руководства явилось адресованное Луцкевичу требование предоставить необходимые объяснения.

Инспектор сослался на «одушевлявшее» его чувство радости во время первого военного парада (23 апреля), в котором его ученики приняли участие¹². Одновременно он направил в адрес Сухомлинова письмо (не забыв приложить к нему и запрос от начальства, и текст собственноручного объяснения), в котором просил у своего покровителя защиты от Министерства народного просвещения, ввиду ожидаемых больших неприятностей, грозящих «вконец испортить» 30-летнюю служебную карьеру. При этом он сослался на высокую оценку своей деятельности со стороны монарха, что стало привычным психологическим приемом в его отношениях с окружающими: «Наносится тяжелый удар, разрушающий подо мною почву и парализующий дальнейшее спокойное и плодотворное развитие этого дела, за отличный почин которого императору благоудно было осчастливить меня своею монаршею милостью... Больно сознавать, что, когда отдаешь всего себя на служение государственным русским началам в целях воспитания в народе и его детях, будущих русских гражданах, национального самосознания, приходится встречать одни только неприятности и разочарования»¹³.

Удивительно, что Сухомлинов, считавший «междуведомственные разногласия» одной из причин неподготовленности России к войне с Японией¹⁴, в данном случае не видел проблемы. В секретном письме Шварцу, выражая опасение, как бы нарушение субординации не повлекло неблагоприятных для его протезе последствий, глава Военного министерства ходатайствовал, чтобы почин Луцкевича «был отмечен особо благожелательным отношением к нему его начальства» (не упомянув при этом, что именно кляуза инспектора послужила поводом к заступничеству с его стороны)¹⁵.

Между тем у руководства Министерства народного просвещения имелись и другие причины для недовольства. Функции инспекторов народных училищ (включавшие организацию учебного процесса и материального обеспечения школ, контроль за штатом учителей) были столь широки, что жизнь их должна была проходить в постоянных разъездах¹⁶. Однако, как сообщал заведующий школьным делом Бахмутского уездного земства Смекалов, в течение 1908–1909 гг. Луцкевич проинспектировал лишь 14 из 119 земских школ уезда. О том же свидетельствовал и начальник Екатеринославского губернского жандармского управления полковник А. Ф. Шредель, говоря, что, став во главе Бахмутской инспекции, Луцкевич посещал школы редко и еще реже показывался в уезде, сосредоточив свою деятельность на издании брошюр-циркуляров и на организации классов военного строя и гимнастики¹⁷. И это при том, что в его подчинении находились крупнейшие учебные заведения, требовавшие постоянного присмотра: например, в школе при Петровских заводах числилось 750 чел., при Попасненском училище — 712 чел., при Гришинском училище — 617 чел. Сам Луцкевич, признавая слабый надзор за начальными школами со

своей стороны, оправдывался большой бюрократической нагрузкой. Ссылаясь на необходимость просматривать ежегодно до 8 тыс. бумаг, поступавших к нему в канцелярию, а также вести обширную переписку с делопроизводителями уездных училищ («одних свидетельств об окончании курса поступает в год до 2 тысяч»), он называл себя «канцеляристом поневоле», лишенным возможности руководить школами¹⁸.

При этом с подачи инспектора в уезде происходила постоянная ротация кадров, зачастую совершенно необоснованная. По сведениям корреспондента газеты «Речь», с 27 августа по 14 декабря 1909 г. в Бахмутском уезде были перемещены с одного места на другое 40 чел., 22 чел. уволены, 38 чел. назначены вновь¹⁹.

Основной заботой Луцкевича стал его собственный проект, опыт которого он намеревался распространить по территории уезда. В этих целях им был издан руководящий циркуляр, предлагавший всем подведомственным народным школам немедленно начать занятия военным строем и гимнастикой²⁰. Циркуляр должен был действовать до распоряжения Министерства народного просвещения. Это может свидетельствовать о том, что инспектор знал о работе ведомственной комиссии под председательством Н. Г. Дебольского, созданной для решения вопроса о поручении ведения соответствующих уроков в сельских школах отставным и запасным воинским чинам.

Тем не менее 28 августа 1909 г. он сообщил Сухомлинову об издании циркуляра и просил причислить его к Военному министерству с присвоением соответствующего офицерского чина и оставлением в занимаемой должности, упоминая (как бы между прочим), что еще в 1908 г. он был представлен к производству в чин статского советника, но почему-то не утвержден. По его словам, наличие офицерского чина позволило бы ему иметь «больше авторитета, как в глазах общества, так и в глазах... школьников-солдат», а отставным и запасным унтер-офицерам будет приятнее «подчиняться мундиру военному, нежели штатскому»²¹.

Просьба Луцкевича явилась поводом к подаче генерал-майором П. К. Кондзеровским докладной записки с однозначным утверждением, что, оставаясь в штате Министерства народного просвещения, тот не имеет права на офицерский чин: «Переименование его в соответствующий чин полковника, когда он не состоял вовсе на службе в военном ведомстве, составляет крупное и при том ни на чем не основанное изъятие из закона»²².

Неудача не остановила Луцкевича. 25 декабря 1909 г. он извещал Сухомлинова, что составленный им циркуляр разослан почти по всей Империи: в городские и земские управы, губернские и уездные училищные советы, директорам и инспекторам народных училищ (умолчав, что рассылка производилась им за казенный счет, под видом служебной переписки). Очередная просьба состояла в ходатайстве перед императором о разрешении прибыть в конце мая или в начале июня 1910 г. в Санкт-Петербург на смотр и представление наследнику престола, чье имя получил первый народный класс строя и гимнастики: «Я твердо убежден, что испрашиваемая военно-школьная экскурсия будет не только весьма полезна для начатого в России великого государственного

дела — военной подготовки учащейся молодежи и воспитания ее в духе патриотизма, беззаветной преданности Престолу и глубокой любви к родине, но и в высшей степени интересна и поучительна»²³. Прибыть Луцкевич намеревался в сопровождении 322 учеников, 20 учителей, капельмейстера, 4 запасных унтер-офицеров, 3 школьных служителей, а также 2 «интеллигентных дам» (для надзора за порядком кормления воспитанников и ухода за ними в случае заболеваний)²⁴. Заодно он просил дать возможность ученикам осмотреть исторические достопримечательности не только столицы, но и Москвы, Киева и Полтавы²⁵.

По докладу В. А. Сухомлинова в январе 1910 г. император принял решение вызвать отряд Луцкевича на Высочайший смотр. Командующий Отдельным корпусом жандармов П. Г. Курлов распорядился предпринять меры «жандармско-полицейского характера» для выяснения благонадежности командироваемых в Санкт-Петербург лиц. По сообщению начальника Екатеринбургского ГЖУ, все воспитанники народного класса (среди которых насчитывалось 4 ученика в возрасте 8 лет, 35 — 9 лет, 88 — 10 лет, 72 — 11 лет, 67 — 12 лет, 40 — 13 лет, 9 — 14 лет, 6 — 15 лет, 1 — 16 лет) были признаны благонадежными. В числе же сопровождающего персонала значилось несколько учителей, привлекавшихся к дознанию по делу Всероссийского учительского союза, но не подлежавших наказанию по причине отсутствия серьезных доказательств. Капельмейстер отряда А. Воллер в 1909 г., выдавая себя за чиновника особых поручений, ходил по торговым лавкам в Бахмуте, производил обыски и проверки счетных книг, вымогая взятки под угрозой составления протокола. Учитель В. Д. Пупу был арестован в июне 1908 г. по подозрению в убийстве священника села Авдотьино, совершенном из партийных (эсеровских) убеждений, но освобожден из-под стражи за недостаточностью улик. Учитель В. И. Петровский, состоя на службе при школе виноделия и виноградарства, пьянствовал и в нетрезвом виде «развращал учащуюся молодежь». Особенно же пикантные подробности касались одной из «интеллигентных дам», которая в списке обозначалась как жена инспектора Анастасия Владимировна Луцкевич (30 лет). Указанная особа оказалась его внебрачной сожительницей, в то время как официальная супруга Луцкевича — Евдокия Родионовна (урожд. Грязнова) на протяжении нескольких лет проживала отдельно²⁶. Впрочем, П. Г. Курлов не счел предосудительным попытку инспектора «пристроить к народному классу» близкую особу, желая предоставить ей возможность побывать в столице. По его мнению, в политическом отношении это было безопасно, а потому он просил товарища министра просвещения Г. К. Ульянова не придавать этому поступку никакого значения²⁷.

8 марта 1910 г. попечитель Одесского учебного округа А. И. Щербаков выехал в Бахмут вместе с директором народных училищ Екатеринбургской губернии К. Т. Клабановским, где 21 марта (вместе с представителями учебного ведомства, земского самоуправления и местного воинского начальства) произвел смотр класса. На него явилось 224 человека при четырех инструкторах — нижних чинах. Комиссия признала, что лишь две роты (112 чел.) могли быть названы до некоторой степени обученными, остальные же представляли собой «нестройную толпу, не понимающую команды, не держащую равнения

и вообще ни в каком отношении не дисциплинированную»²⁸. Выяснилось, что еще 23 января 1910 г. Луцкевич разослал по подведомственному ему району циркуляр, в котором предлагал немедленно донести, могут ли быть командированы ученики, хорошо подготовленные по военному строю и гимнастике, сколько именно и может ли быть отпущено на постройку для них форменного обмундирования по 12 руб. на каждого ученика (родителями или содержателями училищ)²⁹. Это дало повод думать, что он стремился пополнить свой многочисленный и плохо подготовленный отряд мальчиками из уезда, а также «во что бы то ни стало сделать себя инициатором и главным организатором в этом деле»³⁰. Очевидно, инспектору удалось обучить гораздо менее 300 человек, в чем ему неловко было сознаться после организованной на высочайшем уровне рекламной кампании.

Губернатор К. М. Шидловский, которого Луцкевич не только не поставил в известность о переписке с военным министром, но даже не известил о дате отбытия со своим отрядом в Санкт-Петербург³¹, признал целесообразным сократить численность отправляемых на смотр учеников до 100–120 чел. Начальник первого народного класса увидел в этом стремление «оказать воздействие на организацию, чтобы она производила не то величественное и умиляющее душу впечатление, какое производит ныне, на месте, в полном составе и при полной своей обстановке, а какое-то жалкое, мизерное, убогое», о чем он и известил Управление генерал-квартирмейстера Главного штаба³². Тем не менее в Санкт-Петербург отправился отряд, состоявший из 120 строевых, 22 музыкантов, 4 учителей, 2 служителей и одного запасного унтер-офицера.

Непонимание встретил Луцкевич и со стороны местного самоуправления. Как признавал попечитель Одесского учебного округа А. И. Щербаков, «общество, в большинстве левое, конечно, сразу приняло враждебный тон к нему, как к правому, а своей бестактностью, соединенной с преследованием личных целей, он дал обширное поле для нападков, так что даже убежденные правые стали от него сторониться»³³. 29 января 1910 г. Луцкевич жаловался Сухомлинову на издевательства со стороны председателя земской управы А. А. Карпова, который заявил в земском собрании, что народная школа должна обучать грамоте, а муштра не нужна. Обида была вызвана не только публичным осмеянием, но и отказом уездного земства выделить деньги на обмундирование учеников для смотра. Но особенно тяжелый удар был нанесен Луцкевичу на заседании Бахмутской городской думы 27 апреля 1910 г., в ходе которого (с подачи Карпова) было принято решение, что от имени города сопровождать класс в Санкт-Петербург на Высочайший смотр будет не Луцкевич, а городской голова В. И. Першин³⁴.

Деньги на поездку собирали «всем миром». Бахмутская городская дума 15 февраля 1910 г. постановила ассигновать 1,5 тыс. руб., 300 руб. пожертвовала одна из немецких колоний уезда. Пребывание воспитанников класса в Санкт-Петербурге было оплачено генерал-адъютантом В. Б. Фредериксом и генерал-майором В. Орловым (500 руб.)³⁵. Министерство путей сообщения согласилось обеспечить перевозку учеников в трех пульмановских вагонах 3-го класса по льготному тарифу (с 75%-ной скидкой), Военное министерство

бесплатно присоединило к составу вагон-кухню, были даны указания по пути следования заготовить лед, продовольствие, топливо.

Высочайший смотр состоялся 22 мая 1910 г. Кроме императорской семьи на площадке Большого Царскосельского дворца присутствовали: великий князь Борис Владимирович, министр императорского двора Фредерикс и военный министр Сухомлинов, временно командующий войсками гвардии в Петербургском военном округе Газенкампф, дворцовый комендант Дедюлин, царскосельский комендант Данилов, начальники отдельных частей местного гарнизона³⁶. Правая печать недоумевала: «Дети удостоились монаршего лицезрения, организатор обласкан и награжден, а министры даже не поинтересовались взглянуть на чудное патриотическое дело»³⁷.

Журналистам было невдомек, что Шварц не только не получил приглашения в Царское Село, но и о самом вызове народного класса в Санкт-Петербург узнал от Сухомлинова. Луцкевич также проигнорировал прямое указание министра прибыть к нему для доклада о смотре. Будучи уверен, что инспектор проходимец, собиравшийся на «потешном» батальоне «обделать кое-какие свои личные делишки и позволивший себе нарушать закон о служебной подчиненности»³⁸, Шварц подчеркивал и «неделикатность» императора по отношению к себе: «Видимо, ему и в голову не приходило, что он все это дело вел вопреки служебной дисциплине и что я не мог не ощутить этого слишком болезненным образом»³⁹. Столь же неприятным для главы ведомства народного просвещения, надо полагать, явилось присланное ему Сухомлиновым известие о производстве Луцкевича в действительные статские советники (Высочайшим повелением, с изъятием из закона, ибо после производства его в статские советники, последовавшего в феврале 1910 г., инспектор не выслужил минимального трехлетнего срока, и должности его соответствовал чин VI класса). Военный министр не преминул кстати добавить, что императору угодно было выразить пожелание, чтобы труды по этому делу получили дальнейшее возможно широкое распространение⁴⁰.

Вскоре после смотра, 29 июня 1910 г., в письме Сухомлинову Луцкевич подверг критике подготовку в учительских семинариях, которые «вместо здоровых телом и душой воспитателей-мужчин, заполнены худосочными, истеричными, озлобленными на весь Божий мир учительницами». Он просил содействия в предоставлении ему места директора учительской семинарии для подготовки учителей, пригодных «для нравственного оздоровления и воспитания молодого поколения»⁴¹. Однако на соответствующее предложение военного министра управлявший Министерством народного просвещения Г. К. Ульянов ответил, что такие лица, как Луцкевич, нежелательны во главе учительских семинарий, и не признал возможным предоставить желаемую должность⁴².

Любопытно, что инспектор прекрасно осознавал невозможность провести это назначение законным путем (ввиду отсутствия у него соответствующего образовательного ценза), а потому напрямую апеллировал к авторитету императора, полагая, будто «Высочайшая воля государя... легко устранит это чисто формального характера препятствие»⁴³. Неизвестно, возбудил ли соответствующее ходатайство Сухомлинов, но Луцкевич не только не получил

желаемого места, но само дальнейшее формирование молодежных отрядов стало происходить вне его участия. В частности, полковник лейб-гвардии Семеновского полка С. И. Назимов, ревизовавший с марта 1910 г. дело обучения военному строю и гимнастике в учебных заведениях различных ведомств, в своем Всеподданнейшем отчете про Бахмутские отряды даже не упоминал, хотя довольно много места уделил постановке дела в Одесском учебном округе⁴⁴. К этому времени междуведомственным совещанием было выработано и 18 июля 1911 г. Высочайше утверждено Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе, а «потешные» полки при учебных заведениях рекомендовалось формировать на основании правил, сформулированных попечителем Московского учебного округа.

Тем не менее Луцкевич видел себя в роли главного во всей России руководителя возрождения народного воспитания на патриотических началах. Причем, как писал он Сухомлинову в июне 1911 г., желал быть «подчиненным непосредственно Всемилостивейшему государю императору и представлять Его Величеству доклады и отчеты о положении, ходе и развитии дела». Он скромно просил не особого жалования, а лишь усиленной пожизненной пенсии, которая давала бы возможность «прилично жить» и совершать необходимые служебные поездки по России⁴⁵. Видимо, подобные запросы оказались чрезмерными даже для Сухомлинова, поскольку на докладе появилась помета: «военный министр не считает себя вправе передать соображения государю».

С 3 апреля по 6 ноября 1912 г. Луцкевичу был предоставлен отпуск, с уведомлением о последующем увольнении от службы и указанием сдать дела инспектору народных училищ второго района Бахмутского уезда Гурееву. Но особую обиду, о которой он с горечью поведал Сухомлинову в мае 1912 г., вызвало отношение к созданному им классу. Ни попечитель Одесского учебного округа, ни директор губернских народных училищ не вынесли относительно него никаких распоряжений: «...уже теперь я вижу, как эта, выстраданная мною, организация распадается и уничтожается под влиянием угрожающего моим врагам г. Гуреева... класс, носящий Высочайше дарованное ему, дорогое для истории "потешных" в России наименование, не может и не должен быть забыт, заброшен и уничтожен, а напротив... должен стоять во главе всех возродившихся от него подобных организаций»⁴⁶. Луцкевич сожалел, что не решился в свое время Всеподданнейше ходатайствовать о предоставлении ему должности директора народных училищ Екатеринославской губернии. И, находя неудобным обращаться «обычным канцелярским порядком» к своему учебному начальству, повторил просьбу причислить его к Военному министерству, но теперь в качестве «наблюдателя за постановкой воспитательной части обучения в школах военному строю и гимнастике», о чем и представить доклад на «благовоззрение» императора⁴⁷.

Сухомлинов предпочел не брать на себя ответственность и обратился с письмом к министру народного просвещения Л. А. Кассо, в котором отметил невозможность оказать Луцкевичу какую-либо поддержку (как лицу, не принадлежащему к военному ведомству) и интересовался, не признает ли тот

возможным поощрить этого «пионера в деле физического развития нашей молодежи»⁴⁸.

Но Луцкевичу не только не удалось получить просимого места, но и остаться хотя бы еще на два года в должности инспектора народных училищ.

В октябре 1912 г. Сухомлинов известил Кассо, что причисление Луцкевича к военному ведомству не представляется возможным, а если бы таковое и последовало, то безо всякого содержания от казны и с потерей права на получение пенсии, выслуженной по Министерству народного просвещения. Считая необходимым поддержать инспектора в трудную минуту, Сухомлинов просил предоставить ему право преподавать военный строй и гимнастику в средних и низших учебных заведениях, но за пределами г. Бахмут, где пребывание его могло бы привести к дальнейшим столкновениям с местным учебным начальством⁴⁹. Назначение не состоялось. А. А. Луцкевич скончался.

После его смерти «потешное» дело в Бахмуте моментально пришло в упадок. Только после личного письма Сухомлинова, адресованного городскому голове В. И. Першину, Бахмутская дума в заседании 19 марта 1912 г. единогласно постановила: принять класс в ведение городского общественного управления; для хранения знамени, ружья, которое держал в руках император, и телеграммы с собственноручной подписью Николая II отвести почетное место в зале заседаний⁵⁰. Одновременно и в масштабах всей страны создание отрядов военного строя и гимнастики стало терять популярность. По отзыву Редигера, «устроенные Сухомлиновым» команды «потешных» создавались не серьезно, а лишь для царской потехи, «пользы не принесли и лишь стали пошмищем»⁵¹.

Следует согласиться с высказанным в литературе мнением, что научить мальчиков ружейным приемам и маршировке и продемонстрировать результат этого обучения было проще, чем в действительности воспитать патриотов⁵².

Знавший Луцкевича попечитель Одесского учебного округа А. И. Щербаков называл его человеком «болезненно самолюбивым, притязательным, не довольствующимся скромной ролью руководителя школьным делом и стремящимся, путем рекламирования, не всегда тактичного, своей деятельности и своего патриотизма, сделать служебную карьеру»⁵³. Приводя несколько фактов очевидного самолюбования и саморекламы инспектора, он особенно негодовал против заключительных слов брошюры-циркуляра по обучению военному строю и гимнастике: «Бахмутцы счастливы уже в том отношении, что им Господь послал г. Луцкевича для воспитания их детей на пользу и благо России»⁵⁴. Щербаков приходил к выводу, что патриотизм и монархизм подчиненного «едва ли особенно высоки»: «Трудно представить, чтобы убежденный монархист, чувствуя всю величину и важность дела, которое осенено Высочайшим именем, мог позволить примешивать сюда свои личные дрызги или заниматься попутно рекламировкой своей деятельности»⁵⁵.

По мысли Луцкевича, «никакие политические союзы и организации взрослых, как бы они ни были благонамеренны», не могли принести государству столько пользы в смысле укрепления национального самосознания и патриотизма, сколько «эта нарождающаяся из народных школьников новая

русская грамотная армия, дисциплинируемая и воспитываемая в том же духе и направлении», что и доблестный русский солдат⁵⁶. Однако его деятельность не находила поддержки не только со стороны «левых» партий, но и чиновников, облеченных властью и не замеченных в симпатии к «социалистам». Одним из самых последовательных противников организации «потешных» отрядов на общественных началах являлся Санкт-Петербургский губернатор А. Д. Зиновьев. В одной из своих докладных записок, поданных 20 декабря 1910 г. председателю Совета министров П. А. Столыпину, он писал: «При фактическом отсутствии каких-либо оговорок, обуславливающих *право* (здесь и далее — курсив автора записки. — Е. Т.) организовать “потешные” роты — отсутствию *не только* разрешительного, но даже явочного порядка — *толкование Высочайшей воли фактически передается* первому встречному. Если Его Величество соизволил высказать Свою волю относительно введения в жизнь обучения строю и гимнастике, то это ранее всего налагает ряд обязанностей *на ответственных* слуг Его... На деле мы видим обратное. Тот или другой обыватель... непосредственно своим распоряжением образует “потешные” отряды, облакает их в напоминающие военную обмундировку наряды, обращается с воззваниями к публике о пожертвованиях (даже на приобретение оружия), приглашает инструкторов, снабжает отряд значками и даже знаменами, освящаемыми иногда духовенством наподобие войсковых знамен. Об образовании отрядов и происходящих при этом торжествах эти самовольные организаторы доносят непосредственно министрам, при просьбах повергать к подножию Престола выражение верноподданнических чувств, удостоиваясь затем Высочайших Всемиловивейших ответов. Таким образом, для органов власти создается скользкая и не соответствующая возложенным на них обязанностям почва»⁵⁷. Реальную опасность Зиновьев видел в превращении «потешных» рот в отряды народной милиции: «Молодежь только временно находится под чисто внешним наблюдением офицеров-инструкторов и ускользает от него вне занятий и по выходе из отряда... Таким образом, легко может статься, что благодаря поспешности и неосмотрительности, вместо дисциплинированных, верноподданных молодых людей, кое-где будут подготавливаться кадры для более успешной борьбы с полицией и войсками»⁵⁸.

В случае Бахмутского народного класса военного строя и гимнастики, как и в отношении движения «потешных» в целом, очевидно, значимым был и личностный фактор. Произошло то, о чем предупреждал А. Д. Зиновьев и В. А. Сухомлинова, и П. А. Столыпина летом 1910 г.: «Всемиловивейшее внимание» обусловило попытки со стороны лиц некомпетентных в военном деле, но желающих отличиться, выставлять себя организаторами подобных потешных полков»⁵⁹. Неоднозначная репутация, несоответствие совершаемых поступков декларируемым ценностям отталкивали потенциальных последователей от «пионеров» молодежного патриотического движения.

¹ Оригинал записки см.: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 3. Д. 4604. Л. 1. Николай II, зная об истощении людских ресурсов и падении боеспособности армии вследствие сокращения сроков службы и демобилизации по-

сле Русско-японской войны, был весьма озабочен проблемой физической и строевой подготовки призывников. Судя по воспоминаниям А. Ф. Редигера, первый разговор о необходимости введения гимнастики в программу народных школ (через которые проходил основной контингент новобранцев русской армии) состоялся ранее 1908 г., в то время как на посту министра народного просвещения находился П. М. Кауфман (с 24 апреля 1906 по 1 января 1908 г.), которому он и передал означенное указание императора. См.: *Редигер А. Ф. История моей жизни: в 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 235.*

² См., например: *Башкатова А. В.* Генезис и развитие внешкольного воспитания в Томской губернии в конце XIX — начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2010. № 4-1 (68). С. 28–32; *Гейфнер О. В.* Военные и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «Потешное» движение в городах Западной Сибири // *Вестник Омского университета.* 2010. № 2. С. 162–172; *Цуканова О. М., Карпова Г. Г.* Организация физического воспитания в учебных заведениях Курской губернии (1906 — 1917 годы) // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право.* 2019. Т. 9, № 3. С. 176–185; и др.

³ *Булатов И. А.* Влияние образа Петра Великого на внешкольное воспитание в поздней Российской империи и в эмиграции // *Genesis: исторические исследования.* 2022. № 7. С. 117–124; *Гузнов Д. С.* Довоенное воспитание молодежи начала XVIII — первой четверти XX века в России: потешные и скаутское движение // *Аллея науки.* 2018. Т. 2, № 5. С. 983–986; *Молчанова В. С., Черкасов А. А., Шмигель М.* Молодежь и патриотические настроения в период царствования императора Николая II // *Былые годы.* 2013. № 30. С. 88–93; *Соколов В. И.* История молодежного движения России — СССР с середины XIX века по XXI век. Рязань, 2004; *Янулевич Е. А., Мацюк И. А.* Детские объединения в России на рубеже XIX–XX веков: прикладной аспект для современной педагогики // *Проблемы и перспективы развития образования в России.* 2015. № 32. С. 27–30; и др. Одним из немногих исключений является диссертационное исследование Е. Ю. Сейку, одна из глав которого посвящена изучению движения «потешных», основанному на документах РГВИА. См.: *Сейку Е. Ю.* Детские и юношеские организации в России в начале XX века (военно-патриотический и культурно-просветительский аспект): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴ Многими современниками первенство в этом деле А. А. Луцкевича оспаривалось, но анализ указанной проблемы не входит в задачу автора настоящей статьи.

⁵ Доклад А. А. Луцкевича // *Вестник Русского собрания.* 1911. № 10. С. 1–2.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 65–65 об.

⁷ Доклад А. А. Луцкевича... С. 1.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4604. Л. 35–36.

¹⁰ Там же. Л. 26 об.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Там же. Л. 77.

¹³ Там же. Л. 76.

¹⁴ *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. М.; Л., 1926. С. 143.

¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4604. Л. 66–67.

¹⁶ *Гуркина Н. К.* Формирование местных органов управления народным образованием в дореволюционной России // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС.* 2013. Т. 4, вып. 5. С. 209.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 102. Оп. 119. Д. 241. Л. 83.

¹⁸ Доклад А. А. Луцкевича... С. 2.

¹⁹ Печальная знаменитость. Из Бахмута // *Речь.* 1910. 29 сентября.

²⁰ *Луцкевич А. А.* Брошюра-циркуляр по обучению в народных школах военному строю и гимнастике по Высочайше одобренному почину его, в г. Бахмут, Екатеринославской губернии. Бахмут, 1910. С. 2.

²¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 2.

²² Там же. Л. 3–3 об.

²³ Там же. Л. 5 об.

- ²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 241. Л. 2.
²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 7.
²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 241. Л. 46, 51, 56, 63, 71.
²⁷ Там же. Л. 75–76.
²⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 69 об.
²⁹ Там же. Л. 72 об.
³⁰ Там же. Л. 73.
³¹ Там же. Л. 20.
³² Там же. Л. 27.
³³ Там же. Л. 71 об.
³⁴ Там же. Л. 59.
³⁵ Там же. Л. 103.
³⁶ Высочайший смотр первому народному классу военного строя и гимнастики // Петроградский листок. 1910. 23 мая.
³⁷ Русское знамя. 1910. 15 июля.
³⁸ *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 63.
³⁹ Там же. С. 126–127.
⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 113 об.
⁴¹ Там же. Л. 164–164 об.
⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 241. Л. 80.
⁴³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 165.
⁴⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 543. Оп. 1. Д. 61.
⁴⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 202–202 об.
⁴⁶ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 799. Л. 150–151.
⁴⁷ Там же. Л. 151.
⁴⁸ Там же. Л. 152.
⁴⁹ Там же. Л. 155.
⁵⁰ Там же. Д. 800. Л. 29.
⁵¹ *Редигер А. Ф.* Указ. соч. С. 235.
⁵² *Сейку Е. Ю.* Указ. соч. С. 156, 157.
⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 74 об.
⁵⁴ Луцкевич А. А. Брошюра-циркуляр... С. 48.
⁵⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4664. Л. 71.
⁵⁶ Там же. Л. 1 об.
⁵⁷ РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 30618. Л. 8 об. — 9.
⁵⁸ Там же. Л. 9 об.
⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 4707. Л. 20 об.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2023 г.

Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Твердюкова Е. Д. «В Вас только одним нашел я поддержку в осуществлении Высочайшей идеи»: переписка организатора первого народного класса строя и гимнастики А. А. Луцкевича с военным министром В. А. Сухомлиновым // *Новейшая история России.* 2023. Т. 13, № 4. С. 925–939. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.414>

Аннотация: Статья посвящена деятельности инспектора народных училищ Бахмутского уезда Антоха Андреевича Луцкевича, имя которого в историографии связывается с возникновением отрядов военного строя и гимнастики (так называемых потешных) в Российской империи в начале XX в. В исследовании, подготовленном на материалах Российского государственного военно-исторического

архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, где отложилась переписка А. А. Луцкевича с военным министром В. А. Сухомлиновым, представлен новый взгляд на личность «пионера» движения «потешных». Информация о создании первого народного класса строя и гимнастики, доведенная Луцкевичем при посредничестве Сухомлинова до императора Николая II, явилась отправной точкой для выработки программы физического развития российской молодежи и одновременно — поводом к обострению межведомственных разногласий. Совершенные в обход непосредственного начальства действия чиновника, служившего в Министерстве народного просвещения, позволяют охарактеризовать его деятельность как человека, не лишённого карьерных амбиций, с помощью патриотической риторики пытавшегося добиться статусных привилегий путем Высочайшего расположения. После смерти А. А. Луцкевича его дело в Бахмуте моментально пришло в упадок. Только после личного письма Сухомлинова, адресованного городскому голове В. И. Першину, Бахмутская дума в заседании 19 марта 1912 г. единогласно постановила: принять класс в ведение городского общественного управления; для хранения знамени, ружья, которое держал в руках император, и телеграммы с собственноручной подписью Николая II отвести почетное место в зале заседаний. Одновременно и в масштабах всей страны создание отрядов военного строя и гимнастики стало терять популярность.

Ключевые слова: потешные, класс, военный строй, гимнастика, военно-патриотическое воспитание, Николай II.

Сведения об авторе: Твердюкова Е. Д. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); e.tverdyukova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Tverdyukova E. D. “Only in You I Found Support in the Implementation of the Highest Idea”: Correspondence between the Organizer of the First Popular Class of Military Drill Service and Gymnastics A. A. Lutskevich and Minister of War V. A. Sukhomlinov’, *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 925–939. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.414> (In Russian)

Abstract: The article is devoted to the activities of the inspector of public schools of the Bakhmut district Antioch Andreyevich Lutskevich, whose name in historiography is associated with the emergence of detachments of the military drill service and gymnastics (the so-called “poteshnye”) in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The study, prepared on the materials of the Russian State Military Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive, in which A. A. Lutskevich’s correspondence with War Minister V. A. Sukhomlinov was postponed, presents a new look at the personality of the “pioneer” of the “poteshnye” movement. Information about the creation of the first popular class of construction and gymnastics, brought by Lutskevich through the mediation of Sukhomlinov to Emperor Nicholas II, was the starting point for developing a program for the physical development of Russian youth, and at the same time the reason for aggravating interdepartmental disagreements. The actions of an official who served in the Ministry of Education, committed bypassing the immediate superiors, make it possible to characterize his activities as a person who is not devoid of career ambitions, using patriotic rhetoric trying to achieve status privileges through the Highest Disposition.

Keywords: poteshnye, class, Military Drill Service, gymnastics, military-patriotic education, Nickolas II.

The research was prepared with the financial support of the Foundation for Russian Civilization “Svetoslav”, project no. 3/2023 “Education of citizenship among children and youth in Russia at the beginning of the 20th century: theory and practice of public policy”

Author: Tverdyukova E. D. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e.tverdyukova@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Bashkatova A. V. 'The genesis and development of non-formal up-bringing in Tomsk province in the late 19th — early 20th centuries', *Izvestiya of Altai State University*, no. 4-1 (68), 2010. (In Russian)
- Bulatov I. A. 'The influence of the image of Peter the Great on extracurricular education in the late Russian Empire and in exile', *Genesis: Historical Research*, no. 7, 2022. (In Russian)
- Gefner O. V. 'Military and patriotic education of youth at the beginning of the 20th century: "Amusing" movement in the cities of Western Siberia', *Herald of Omsk University*, no. 2, 2010. (In Russian)
- Guznov D. S. 'Pre-war education of youth of the beginning of the 18th — the first quarter of the 20th century in Russia: amusing and scout movement', *Alleia nauki*, vol. 2, no. 5, 2018. (In Russian)
- Gurkina N. K. Formation of local public education management bodies in pre-revolutionary Russia, *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniia RANKhiGS*, vol. 4, iss. 5, 2013. (In Russian)
- Molchanova V. S., Cherkasov A. A., Schmigel M. 'Youth and patriotic moods during the reign of Emperor Nicholas II', *Bylye Gody*, no. 30, 2013, pp. 88–93. (In Russian)
- Rediger A. F. *The History of My Life*, in 2 vols. (Moscow, 1999). (In Russian)
- Schwartz A. N. *My correspondence with Stolypin. My memories of the Emperor* (Moscow, 1994). (In Russian)
- Seiku E. Yu. *Children's and youth organizations in Russia at the beginning of the 20th century (military-patriotic and cultural-educational aspect)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2009). (In Russian)
- Sokolov V. I. *The history of the molodezhnogo movement of Russia — the USSR from the middle of the 19th century to the 21st century* (Ryazan, 2004). (In Russian)
- Tsukanova O. M., Karpova G. G. 'Organization of physical education in educational institutions of the Kursk province (1906–1917)', *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, vol. 9, no. 3, 2019. (In Russian)
- Yanulevich E. A., Matsyuk I. A. 'Children's associations in Russia at the turn of the 19th–20th centuries: an applied aspect for modern pedagogy', *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia v Rossii*, no. 32, 2015. (In Russian)

Received: April 15, 2023

Accepted: July 31, 2023